

Не чипай лиха, нехай воно спыць
Народная мудрость

Именем сената и народа Рима мы
объявляем войну варварам...

*Марк Красс, из речи о
Парфянском походе*

Ирак побежден, его диктатор исчез, армия рассеяна, столица взята. Победа достигнута американской армией и ее союзниками согласно заветам Ленина–Сталина, малой кровью на чужой земле, как незадолго до того в Афганистане. Идет война народная, священная война с мировым терроризмом и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ). На повестке дня Иран, Саудовской Аравии приготовиться...

Логика в действиях президента Соединенных Штатов, вопреки заклинаниям европейских антиглобалистов и отечественных патриотов, присутствует железная. 11 сентября 2001 г. по территории его страны был нанесен удар, сравнимый разве что с Перл-Харбором. Оставить его безнаказанным Америка не могла. Адекватный ответ она дать также не могла, ибо победить террористов армия может с тем же успехом, как медведь разогнать рой пчел, то есть никак. Медведь может только уничтожить улей, после чего оставшиеся в живых пчелы вольны лететь в любом направлении. Аналогия полная, ибо авторитарные ближневосточные режимы именно так и искореняют терроризм, уничтожая во имя этой цели населенные пункты, являющиеся базой неподконтрольных правительству исламистов, вместе с жителями.

Для США после Хиросимы, Нагасаки и ковровых бомбардировок Вьетнама ведение войны методами такого рода осложнено по причинам внутренней политики. Массовая гибель мирных жителей, растиражированная СМИ, порочит идею экспорта американской демократии и неизбежно скажется негативно на предвыборных перспективах действующего президента. Единственное, что в этом случае остается, – выбрать «плохих парней» и провести маленькую победоносную войну, постаравшись добиться максимального эффекта минимальными средствами, что и было проделано с изрядной долей дипломатической неуклюжести, скомпенсированной подавляющим технологическим превосходством и эффектной режиссурой специальных операций. Единственная проблема: враг не разбит. Он не разгромлен, а рассеялся и рассредоточился. Говорить не приходится не только об окончательной победе, но и о завершении кампании.

Начиная с первой Войны в Заливе, всерьез «втянувшись» в переделы Ближнего и Среднего Востока, Америка стоит перед выбором. Она может попробовать превратиться в классическую колониальную империю «нового типа», подобную британской или французской,

вернув в мировую политическую практику эру подмандатных территорий, однако это противоречит политической риторике, применяемой американскими политиками на протяжении всего XX века. После ликвидации монархии на Гавайях американское присутствие на контролируемых территориях всегда определялось как временное и ограниченное.

Возможна и попытка реализовать новый «план Маршалла», оккупировав Ирак, а, возможно, и не только его, подобно тому, как были оккупированы Германия и Япония после Второй мировой войны. Но в условиях холодной войны колоссальные затраты, необходимые для реализации этой программы, были оправданы необходимостью борьбы с «мировым коммунизмом» – врагом гораздо более конкретным, чем противостоящий США сегодня «террористический Интернационал».

Наконец, не исключен вариант действий, которые позволят держать ситуацию в регионе под контролем, не прибегая к оккупации тех или иных стран и территорий. К сожалению, наличие разработанной стратегии такого рода в Вашингтоне, Лондоне, Париже или Москве, не говоря уже о Брюсселе, сомнительно, а необходима она не в ближайшем будущем, а «вчера».

Рассмотрим состояние мирового сообщества после иракской войны. Кто-то в ее итоге приобрел, кто-то потерял, но главное – мир изменился и вряд ли станет прежним.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫЕ

Глобализация привела к тому состоянию человечества, которое более полутора веков назад предсказывали К. Маркс и Ф. Энгельс: оно живет в едином экономическом, информационном и общественно-политическом пространстве. Именно глобализация является исходной базой для построения коммунизма – не в советском или китайском, а в классическом марксистском варианте. Не исключено, что современное потребительское общество «равных возможностей» отцы-основатели марксизма и сочли бы тем самым коммунизмом, историческую неизбежность которого они пытались обосновать. В середине XIX века они полагали, что именно Великобритания и США возглавят мир в деле построения нового общества. Случайно ли этот тандем выступил инициатором нового миропорядка, основанного на союзе Р. Рейгана и М. Тэтчер в 1980-х гг., подтвержденном в начале 1990-х гг. в ходе операции «Буря в пустыне» и завершенном в 2003 г. во время второй Войны в Заливе? Американско-британская ось и ее сателлиты – не только инициатор нового передела мира, но и единственная военная сила, способная этот передел осуществить. Конкуренты – континентальная Европа и Китай – в течение длительного периода времени не смогут догнать США. Обратной стороной медали является «охота на лидера» соперников и конкурентов. Европа соперничает с англоязычной «осью» экономически и политически, Китай – еще и в военной сфере, а аутсайдеры, страны исламского мира, разочаровавшись в сырьевом шантаже, избрали своим оружием терроризм. Россия же, потерявшая и статус империи, и положение сверхдержавы, занимает промежуточное положение между основными силовыми центрами современного мира и лавирует между ними, пытаясь решить многочисленные внутренние проблемы и сохранить влияние на остатки постсоветской периферии. Мир первой половины XXI века – это мир Америки, однополярный мир единственной сверхдержавы, стремящейся к мировой гегемонии: иракская война доказала это со всей очевидностью.

ОТ СИЛЫ ПРАВА К ПРАВУ СИЛЫ: ООН, НАТО, etc.

Сколько бы реверансов ни производилось политиками самого высокого уровня в отношении существующей системы устройства мира, система эта де-факто не пережила весны 2003 г. Дело не в том, что Организация Объединенных Наций оказалась ораторским клубом, а не «мировым правительством». На протяжении всего времени существования ООН не столько управляла миром, сколько пыталась соответствовать собственным претензиям на эту роль. Иллюзия эффективности этой организации в годы противостояния двух идеологических систем была равно важна как для стран, входивших в противостоящие лагеря, так и для государств «третьего мира». В деидеологизирован-

ном мире начала XXI века, сложившемся после исчезновения с карты Советского Союза, ООН оказалась реликтом второй половины XX века, и демонстративное игнорирование второй антииракской коалицией институтов этой организации в ходе операции «Шок и трепет» только подчеркнуло этот факт.

Немалый урон потерпела и атлантическая солидарность. В ходе демонтажа Югославии роль НАТО оказалась существенно более значимой, чем ООН, однако ближневосточный кризис ввел новые составляющие в систему интересов Североатлантического союза. Для большей части стран НАТО непосредственная вовлеченность в контроль над топливно-энергетическими ресурсами Ближнего и Среднего Востока являлась и является вопросом, не допускающим компромиссов. У Турции при этом существуют важные геополитические интересы в Северном Ираке. Как следствие, США не только не удалось санкционировать свержение С. Хусейна ООН, но и задействовать для этого систему НАТО.

Американская попытка использования международных организаций в войне против Багдада потерпела явный провал. Дипломаты, эксперты и журналисты немало торжествовали по этому поводу. Растерянность, которую мир испытал, когда американский президент воспользовался правом силы и в кратчайшие сроки провел войну, несмотря на протесты мирового сообщества, не прошла до сих пор. Вспоминая известную цитату о роли «больших батальонов», следует отметить, что Дж. Буш всего лишь скопировал решение Александра Македонского по поводу «гордиева узла». Можно констатировать, что роль международных институтов в сегодняшнем мире определена. Они могут выполнять функции сопровождения американской политики или быть трибуной для ее умеренной критики. По крайней мере, до тех пор, пока в мире не возникнет еще один «полюс силы», сравнимый с США. Им, в частности, может стать через два–три десятилетия Китай. Если система международных организаций в ее нынешнем или измененном виде просуществует до этого времени, не исключено, что политика середины XXI века станет похожей на политику второй половины века двадцатого.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Существеннейший фактор операции «Шок и трепет» на всех ее стадиях – роль СМИ, в первую очередь электронных. Современная война приобрела «голливудский» аспект, сказавшийся в том числе в неожиданной «жанровой» области: военные действия должны быть обоснованы не только политически и идеологически, но и морально, противник – демонизирован, а для завершения войны нужна не просто победа, но классический «хэппи энд».

Все это было продемонстрировано в Ираке: несмотря на бившие в глаза реалии, война формально велась не из-за нефти или геополитики, а вследствие необходимости окончательной победы «сил добра» в противостоянии с «силами зла». Иракское ОМУ выступало при этом не столько как одна из причин войны, сколько как необходимый для идентификации «сил зла» аксессуар. Не случайно отсутствие прямых доказательств его наличия в Ираке по окончании войны не делегитимизировало американскую политику, а стало основой новой политической мифологии. «Исламская бомба» превратилась в своего рода «святой Грааль», произвольно перемещающийся по Ближнему Востоку вслед за вектором интересов Вашингтона: в Сирию, Иран... При этом едва ли не наименьшее внимание уделяется Америкой единственному исламскому государству, в котором ядерное оружие не только существует, но и может попасть в руки мусульманских экстремистов, – Пакистану.

Превращение моральных аргументов в значимый фактор при лоббировании тех или иных шагов в сфере реальной американской политики, доминирование политических теорий над политической практикой приобрело и оборотную сторону. Этот метод с успехом используют в своих интересах противники США. Классический пример – палестинско-израильское противостояние, к месту и не к месту «склоняемое» арабскими политиками по любому поводу для объяснения всего, происходящего на Ближнем и Среднем Востоке. «Аморальность израильской оккупации» в глазах арабской элиты и арабской

улицы, а также ориентирующейся на арабский мир части истеблишмента и СМИ Запада оправдывает экономические и политические проблемы, имущественное и социальное неравенство, угнетение женщин, торжество исламского фундаментализма, разгул терроризма и многочисленные военные конфликты в регионе.

В конечном счете, как показывает современный опыт, априори декларируемая моральная правота оправдывает любые действия лучше всех прочих аргументов.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Войны 1990-х гг. приобрели религиозный оттенок даже в регионах, где столкновения на конфессиональной почве не случались на протяжении веков. Так, распад Югославии воскресил религиозные конфликты в Европе. Ближний Восток оставался заповедником религиозных войн на протяжении всего XX века. Даже на этом фоне выделяется иракский кризис, идеологические баталии вокруг которого не просто насыщены религиозными параллелями, но обращаются к терминологии крестовых походов. Что примечательно – к религиозной риторике прибегли с обеих сторон. Ее в равной мере использовали и исламские фундаменталисты, и политические лидеры, призывающие к джихаду, и президент США, призвавший на помощь Пентагону благословение Божье. Разумеется, значительное влияние на роль конфессионального фактора в иракском кризисе оказали американские традиции, личная религиозность президента Дж. Буша и исторические параллели с одной стороны и конфессиональная нетерпимость, лежащая в основе самоидентификации большинства жителей региона, с другой.

Исламский фактор не просто стал одним из определяющих в современной ближневосточной политике США – он в значительной мере является порождением этой политики. «Умеренные» исламские монархии на протяжении десятилетий поддерживались Западом как противовес светским диктатурам, сателлитам СССР. Агрессивный, политизированный, воинствующий ислам стал в 1980-е гг. главным союзником Запада в вытеснении Советского Союза из Афганистана. Аналогом является палестинское исламское движение «Хамас», в котором израильские спецслужбы видели в свое время умеренно-оппонента Организации Освобождения Палестины (ООП).

Джинн «исламского Интернационала» выбрался из кувшина в тот момент, когда одни «неверные» покинули Афганистан, а другие ввели войска на территорию королевства «двух исламских святынь», защищая арабские монархии Кувейта и Эр-Рияда от арабского светского Багдада. Вместо признательности со стороны тех, кого она защитила, Америка столкнулась с враждебностью, в основе которой не только лежат цивилизационные различия, но и банальный комплекс неполноценности. В настоящее время политический исламизм ведет войны не только со светскими арабскими режимами, «неверными» на периферии исламского мира, «мировым сионизмом» но и, после «11 сентября», Западом в целом.

Особую роль вторая иракская кампания сыграла для исламского мира вследствие того, что занятое американско-британскими войсками Двуречье – это не только территории, нефть и крупнейшие водные артерии Машрика. Подобно Израилю, названному Г. Насером «мечом в сердце арабского мира», контролируемый американцами Ирак – «меч в сердце исламского мира». Он в равной мере угрожает шиитскому Ирану и суннитской Саудовской Аравии, двум главным соперникам в борьбе за доминирование в мировой умме. В Государственном департаменте США стратегическое значение Ирака для контроля над исламским миром понимают, и это прослеживается в выступлениях многих высокопоставленных представителей американской администрации. Но не менее отчетливо это представляют и лидеры фундаменталистского исламского мира, которые до сего дня выигрывали у Америки во всех случаях, когда им удается избежать прямого военного столкновения с армией США. В качестве итога иракской войны можно с уверенностью предположить не ослабление, но усиление антиамериканской религиозной риторики и террористической активности исламистов. Атакам «шахидов» будут подвергнуты не только армейские части, расквартированные на Ближнем Востоке, но и

стратегические объекты, расположенные на территории самих США, в первую очередь гражданские.

ПРАВ ЛИ БЫЛ ХАНТИНГТОН?

События на Ближнем Востоке развиваются практически «по Хантингтону». Можно спорить по поводу некоторых его прогнозов, завышенными представляются опасения, высказанные в адрес «православной» и «конфуцианской» цивилизаций, излишне оптимистичны оценки степени единства Запада, но это частности. В основном оппонент Ф. Фукуямы оказался прав: мы наблюдаем не «конец истории» и торжество западного либерализма, а конфликт цивилизаций, исход которого далеко еще не предрешен, несмотря на подавляющее технологическое превосходство западного мира над любыми оппонентами.

Борьбу нового варварства против старой цивилизации возглавил мир ислама. В этой части С. Хантингтон оказался совершенно прав, несмотря на софистику политиков и экспертов, пытающихся терминологически разделить ислам и исламизм, бытовой мусульманский фундаментализм и политизированный экстремизм. Эволюция исламского мира позволяет определить закономерности его развития, равно как и попытаться дать некоторые поправки к базовой теории С. Хантингтона. Ниже приведен ряд аксиом.

- Исламский мир состоит из арабо-персидского исторического ядра и периферии.
- Исламский мир неоднороден этноконфессионально и субконфессионально, сохраняя особенности исторического развития различных его частей от доисламской до постколониальной эпохи.
- Историческое ядро исламского мира, образованное в ходе распространения Халифата в первых веках Хиджры, является носителем как наиболее консервативных элементов исламской теологии, включая теорию джихада, так и наиболее развитых ее элементов, в том числе исламской модернизации.
- Периферия исламского мира, первоначально воспринявшая ислам в его наиболее толерантных формах, преимущественно распространявшихся по торговым путям, является носителем как «облегченного» ислама, развившегося в неисламском окружении и насыщенного доисламскими элементами, так и современного политизированного экстремистского исламизма «неофитов», возникшего под воздействием консервативной части исторического ядра.
- Система хаджа способствует конвергенции обычаев и ценностей исламского мира, позволяя на современном этапе развития добиваться его унификации и создания единой мировой исламской уммы, объединенной не только религиозными традициями, но и политическими и идеологическими установками, а также экономическими и военными институтами.
- В исламском мире на современном этапе доминируют наиболее консервативные элементы его исторического ядра, опирающиеся на сырьевую ренту.
- Историческое ядро исламского мира, на протяжении нескольких веков бывшее в подчиненном состоянии по отношению к исламской периферии и европейским колониальным державам, находится в состоянии глобального политического, идеологического и экономического кризиса.
- Реакцией на кризис является углубленная самооценка, пересмотр внутренних отношений и системы связей с окружающим миром, включая создание системы активного воздействия на внешний мир и его перестройку по схемам, приемлемым для наиболее консервативной части исторического ядра.
- Следствием военно-политической активизации современного ислама является исчезновение немусульманского населения в самом исламском мире и расширение последнего за счет его вытеснения на периферию, а также наступательная

политика по отношению к бывшим колониальным державам и агрессивное сопротивление модернизации в любых формах.

- Специфической особенностью исламского мира является демографическое доминирование шиитского населения над суннитским при обратном соотношении уровня жизни и политическом доминировании суннитов в большинстве стран со смешанным населением. Вытеснение суннитов шиитами вслед за неисламским населением является немедленным следствием разрушения традиционных систем власти в современном исламском мире.
- Современная парламентская внеконфессиональная демократия в исламском мире не существует. Единственный пример действенной парламентской республики – Исламская Республика Иран – представляет собой теократическое государство. Традиционная форма управления в современном исламском мире – монархия, абсолютная (Оман, Саудовская Аравия, малые монархии Персидского залива) или умеренно вестернизированная (Марокко, Иордания). Светские режимы являются военными диктатурами авторитарного или тоталитарного типа.
- Развитие демократических процессов в исламском мире приводит к власти практически исключительно исламские партии, которые немедленно после получения парламентского большинства формируют основу теократического общества, ведущего агрессивную наступательную внутреннюю и внешнюю политику. Общепринятой формой приостановки теократизации общества и государства служит отстранение исламистов насильственным путем и захват власти военными.

Намеренно упрощая эволюцию современного политического ислама, можно констатировать, что он ведет «глобальную войну против глобализации», символом и лидером которой являются США. События в Марокко и Алжире, Египте и Иордании, Сирии и Ливане для исламского мира – война гражданская, со светскими и умеренными монархическими режимами. Кашмир и Филиппины, Палестина и Чечня, Судан и Балканы – война против «неверных» на периферии исламского мира, «малый джихад». Война против Америки – «большой джихад», война не на жизнь, а на смерть. Ведут ее люди, идеологически и религиозно мотивированные, часто образованные и внешне интегрированные в западный мир, внутренне же полностью приверженные наиболее консервативным исламским ценностям. Люди эти на протяжении 1970-х–1990-х гг. разочаровались в возможности воздействия на окружающий их мир финансово-экономическими и политическими методами и искренне полагают, что США своим существованием угрожают их образу жизни и системе ценностей. Естественным для них представляется физическое уничтожение центра мировой глобализации любыми методами.

Возвращаясь к Хантингтону, можно констатировать, что Запад далеко не так един, как это представляется изнутри самого Запада. Иракская война провела черту между «англоязычной» осью и ее сателлитами из числа стран Южной и Восточной Европы, а также рядом постсоветских республик, ориентирующихся на США, и франко-германской «Новой Антантой». Контроль над топливно-энергетическими ресурсами исламского мира и политическое доминирование над ним не менее важно для «англоязычной» составляющей Запада, чем союз с исламским, в первую очередь арабским, миром для континентальной Европы. Нельзя не отметить, что союз «православной» цивилизации с Западом действительно непрочен, но вина в этом обоюдная, ибо исторические корни у них одни. Из Москвы представляется, что Россия прошла достаточно далеко по пути интеграции с Западом, последний же мог бы на протяжении последних полутора десятилетий вести более мудрую и либеральную интеграционную политику в отношении России. Представляется, что являющаяся притчей во языцех «желтая угроза» со стороны «конфуцианской» цивилизации преувеличена и в любом случае должна составлять предмет беспокойства для будущих поколений.

Единственной настоящей проблемой сегодняшнего дня, равно опасной для Запада и России, Индии и Китая, является экспансия политизированного ислама. Исламский мир, в отличие от стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в процессе деколонизации не смог построить самодостаточное развитое общество, так же, как не смогли его построить

государства Африки. Однако проблемы «черной» Африки остаются преимущественно ее собственными проблемами. Деградируя и распадаясь, тиражируя трайбализм и геноцид, экологический, демографический и экономический кризис, Африка не пытается изменить или уничтожить остальной мир. Нелегальная эмиграция и финансовые аферы остаются наиболее негативными факторами в ее отношениях с ним. В этом коренное отличие Африки от исламского мира, контроль над процессами в котором важен не столько для приращения позитивного направления его собственной эволюции, сколько для предотвращения разрушения современной цивилизации, которая, со всеми ее плюсами и минусами, вряд ли заслуживает судьбы зданий нью-йоркского Всемирного торгового центра.

ОМУ КАК ГАРАНТ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Иракское ОМУ не обнаружено до сих пор, однако его гипотетическое наличие в арсеналах С. Хусейна стало главным аргументом, опираясь на который коалиция провела операцию по свержению багдадского режима. Согласно американской логике, этот пример должен предостеречь лидеров государств, противопоставляющих себя западной демократии. Если они не откажутся от идеи овладения ОМУ, судьба их будет аналогична судьбе иракского диктатора. В списке потенциальных кандидатов на «обезвреживание» – Северная Корея, Иран, возможно, Сирия... Санкции грозят странам, уличенным в содействии программам создания оружия массового уничтожения, в первую очередь ядерного. Теоретически действия, предпринимаемые США для достижения поставленной цели, абсолютно верны. Проблема в том, что они могут привести к противоположному результату.

Попытка проанализировать последовательность развития событий в ходе иракского кризиса показывает: наличие ОМУ в арсеналах государства – не возможность овладеть той или иной технологией в более или менее сжатые сроки, а реальное оружие – в комплексе со средствами доставки – единственная гарантия невмешательства внешнего мира в дела правящего режима. Только этим можно объяснить, почему США, воюя с исламистами в Афганистане и преследуя призрак ОМУ в Ираке, проигнорировали исламский Пакистан, с его неустойчивым правительством, базами террористов и ядерным арсеналом. Вывод, сделанный как лидерами стран «оси зла», так и сторонними наблюдателями, таков: уделяя значительное внимание потенциальным вызовам, прагматичный Запад, несмотря на абсолютное военно-техническое превосходство, игнорирует реальную угрозу, если существует опасность «асимметричного» ответа.

Как следствие, можно предположить, что результатом иракской войны станет не разоружение «пороговых государств», но новая гонка вооружений, призванная помочь им в кратчайшие сроки войти в число неформальных членов «ядерного клуба». Вестись она будет не только в противостоянии с ведущими ядерными державами, хотя и в их числе возможны исключения, но и в условиях «двойных стандартов» в отношениях между самими участниками. Равно вероятны как их сотрудничество между собой, так и обостренная внутренняя конкуренция в стремлении «подставить» друг друга, обеспечив выигрыш во времени, необходимый для того, чтобы закончить собственную программу. Ресурсов США, даже вместе с союзниками, вряд ли хватит для того, чтобы последовательно проводить ядерное сдерживание во всемирном масштабе, тем более, что в существующем «ядерном клубе» невозможно ни эффективно контролировать Пакистан и Китай, ни полагаться на их добрую волю. Большинство экспертов полагает, что 2005–2007 гг. станут рубежом, когда как минимум часть «пороговых» государств станет ядерными державами.

Такое развитие событий может подтолкнуть к вхождению в «ядерный клуб» в те же сроки государства Запада, до сих пор воздерживавшиеся от этого. Главными претендентами на «новый ядерный статус», не имеющими его до сего дня исключительно по историческим причинам, являются Германия и Япония.

О глобальном контроле за распространением биологического и химического оружия речь всерьез не идет, хотя последствия его применения не менее разрушительны, чем оружия ядерного. Современная экономика и использование технологий двойного на-

значения позволяет замаскировать его производство в рамках гражданской промышленности, превращая в потенциальный источник ОМУ любые производственные комплексы.

ОМУ И НОВЫЕ «АССАСИНЫ»

Нападение террористов на любое государство, в том числе Америку, с применением ОМУ возможно, а технологический прогресс облегчает эту задачу. Естественными целями такой атаки являются мегаполисы и стратегические объекты. Даже если забыть о пресловутых «ядерных чемоданчиках» и «грязной бомбе», использование компьютерных технологий позволяет, не входя в непосредственное взаимодействие с объектом, спровоцировать аварию на каком-либо из крупных производств, которыми насыщена современная техногенная цивилизация. Химическое и биологическое оружие идеально подходит для нанесения удара по местам скопления гражданского населения. Тактика «шахидов», воскресивших исторические традиции «ассасинов», идеально подходит для ведения городской партизанской войны с противником, обладающим подавляющим военно-технологическим превосходством. Адекватный ответ невозможен. Непосредственные исполнители гибнут в момент атаки, если же «удар возмездия» будет направлен на гражданское население, массовая гибель его не останавливает, а стимулирует террористов. Именно такой войной является «интифада Аль-Акса», а также трагедия 11 сентября 2001 г.

Объявленный США «крестовый поход против мирового терроризма» не достиг цели, как не достигают ее, несмотря на гораздо большую эффективность, точечные акции израильтян по ликвидации организаторов терактов. Последние, по крайней мере, играют роль превентивного воздействия. Америка же пошла по пути реализации «домашних заготовок», частично верных, частично далеких от истины, позволяющих взять под контроль те или иные стратегически важные территории. Операции в Афганистане и Ираке не ответили на главный вопрос: как остановить террористов, задачей которых является уничтожение США.

Опыт Британской и Российской империй и более краткий, но важный опыт Израиля показывает, что единственным действенной основой борьбы с террором является превентивное уничтожение террористов. При этом информация об их организациях должна исходить не только из аналитических центров, использующих средства электронной разведки, но и от разветвленной сети местной агентуры, внедренной на всех уровнях террористической системы и поддерживающих ее организаций: благотворительных, религиозных, образовательных. Насколько вообще возможно создание системы тотального контроля в условиях гражданского общества – говорить рано. Ясно лишь, что параноидальная «охота на маникюрные ножницы» и обувь пассажиров в аэропортах и блиц-допросы о месте и времени упаковки багажа являются либо глобальным отвлекающим маневром, прикрывающим невидимые, но эффективные способы контроля, либо, что более вероятно, символом бессилия ведомств, отвечающих за безопасность.

Ситуация осложнена тем, что теракты могут быть проведены заранее обученными «кротами», на протяжении многих лет живущими обычной жизнью. Ислам, как и любая другая замкнутая теологическая система ценностей, позволяет его приверженцам существовать в обществе, не растворяясь в нем. Признать это, не отказавшись от идеала личной свободы и не вернувшись в эпоху сегрегации, Запад не может, как не может пока что найти систему ценностей, которая позволила бы мусульманским традиционалистам вписаться в современное общество, не разрушая его. Исламизация Западной Европы, идущая на наших глазах, меняет саму суть европейской цивилизации, порождая ксенофобию и возрождая влияние «правых» политиков, противостоящих единственному в своем роде альянсу левых либералов, антиглобалистов и мусульманских традиционалистов. При этом иракская война надолго покончила с иллюзиями исламского мира о возможности победить Америку военным путем, оставив ему единственное действенное оружие борьбы – терроризм. Как следствие, опасность террористических актов самоубийц с возможным применением оружия массового уничтожения с момента взятия Багдада войсками коалиции не исчезла и не уменьшилась – она возросла.